

Саргис Арутюнян

ПРЕДАНИЕ О РИТУАЛЬНОМ ПОЯСЕ

Sargis Harutyunyan
THE LEGEND ON THE RITUAL BELT

The article is a section from the author's voluminous book on Armenian mythology which was published in Armenian in Beirut in 2000 and immediately became a rarity. The idea of the belt is presented through etiological legends about a concrete landscape in the Armenian Highland and through myths dealing with more general anthropomorphic models of the world. To understand the significance of the belt in various mythological systems, the author analyzes ethnographic traditions related with belts, as well as archaeological evidences of belt usage on the territory of present-day Armenia. The idea of belt and belting is also discussed in the context of the semantic field of the Armenian words designating belt.

Согласно рассказанному в Арчеше преданию, *Армянские горы* были некогда могучими братьями-исполинами. Каждый день, пробуждаясь рано поутру, имели они обыкновение сперва подпоясаться и только потом поприветствовать один другого. Шло время, братья состарились и не могли уже вставать рано. Как-то раз, проснувшись, они забыли повязать пояса и, вопреки обычаю, поздоровались друг с другом. Увидев это, Бог наказал братьев: окаменев, они стали горами, их пояса – зелёными полями, а слёзы – бессмертными родниками.

Предание поэтически, красиво и целостно повествует о возникновении целого края – Армянского нагорья. Обратившись в камень, братья преобразились в армянские горы, неповязанные пояса – в зелёные поля, а слёзы из старческих глаз, опечаленных карою, обернулись бесчисленными кристальными ключами и родниками Армянского нагорья. Перед нами по сути дела локализованный миф о сотворении мира, мифопоэтический рассказ о божественном создании Армянской земли.

Столь же примечательна в этом предании ритуальная, овеванная поверьями глубина внутреннего движения. Движущая сила предания возникает вследствие того, что братья нарушили традиционный ритуал.

Здороваться друг с другом лишь после того, как подпоясались, – это по преданию старинный традиционный ритуал, нарушитель которого строжайше карается.

На Армянском нагорье и в соседних с ним областях в усыпальницах позднебронзового века, равно как и урартских, обнаружены изукрашенные мифологическими изображениями широкие бронзовые пояса, что свидетельствует об их исключительном ритуально-колдовском и культовом значении. По всей вероятности, во время войн, охоты и религиозно-культовых обрядов этими поясами для практической и магической защиты подпоясывались жрецы и вожди племён, цари и военачальники. Должно быть, пояса в обязательном порядке входили в боевое и ритуальное снаряжение – как средство, формирующее, укрепляющее и

оберегающее тело, а также сохраняющее нравственные и практические навыки тех, кто их носит, и как волшебный талисман и символ непреходящей силы и мощи. В общих чертах об этом свидетельствует ритуальный обычай класть бронзовые пояса в могилу отдельно от владельца, в свёрнутом виде либо на блюде ср. (Мецамор, 180–185), по соответствующим источникам, особенно же исследование различных семантических значений армянского *գլուհ* (пояс) и образованных от него слов.

Уже в V веке слово *пояс*, помимо прямого своего значения, имело в армянском языке и переносный смысл, означая «мужество и храбрость». Это видно из метафорического высказывания Елишэ «Укрепили свой стан поясом истины». А вот выражение «*И да укрепят пояса ваши стан*», значит чувствовать себя твёрдо и уверенно. Отсюда сложные слова *գօւղպիւն*, *գօւղպնիլ*, *գօւղնրիլ*, (*գօւղ*-пояс), которые кроме своего исконного смысла – “крепко завязать пояс, опоясаться”, означают также “мужественный, готовый к делу”. И не случайно у Бела перед поединком «опоясаны чресла» (Хоренаци, I, 11), чтобы чувствовать себя сильным, уверенным и защищённым. Даже названия борцовских поединков связываются с армянскими обозначениями слова *пояс* *գլուկիւրիւ*: поясобой, поясосхватка и указывает на важную роль пояса в битве и в победе.

В отдельных ритуальных играх и сам пояс выступал объектом схватки. Игра лахти, весьма распространённая среди армян, в некоторых этнографических районах называлась «игрой в ремни». Армяне играли в неё преимущественно в начале весны. В игре участвовали мальчики, юноши и изредка мужчины среднего возраста, от двух до двадцати человек. Очерчивали большой круг, играющие делились на две группы. Одна группа входила в круг и лучеобразно через равные промежутки располагала в нём поясные ремни, часто кожаные, а подчас и сплетённые из лозы либо нитей верёвки (опять-таки символ ремня). Каждый становился подле своего ремня и защищал его от посягательств соперника. Играющие во внешней группе захлёстывали своими ремнями ремни, расположенные внутри круга, всячески стараясь выбросить их наружу. Если это удавалось, владелец ремня считался побеждённым и выбывал из игры (ср. Бдоян II, 90–95, а также 20–22). Цель игры заключалась в том, чтобы отнять у соперников ремни. Тем самым им наносили поражение, выводили из круга, брали в плен, а в конце игры нещадно избивали ремнями тех побеждённых, кто остался в кругу.

Отнять у соперника ремень означало по логике игры лишить его силы и способности вести схватку, следовательно, нанести ему неизбежное поражение. Отсюда та жаркая, неистовая борьба, которую вели за каждый ремень. В. Бдоян верно угадал, что игры лахти содержит в себе ритуальный пласт и «прежде была не игрой, но мистическими актами» (Бдоян, II, 21). Он, однако, не обратил внимания, что по ходу борьбы играющие решают задачу отстоять или захватить ремень, а здесь и вправду содержатся глубоко упрятанные ритуально-культовые пласты.

Пояс (ремень) и талия нераздельны, и пояс призван облекать, защищать, подтягивать и укреплять стан. Армянское *ւղջ* (в, посреди) происходит из индоевропейского *medyos* и означает «середина», «талиа», «чресла», «половина», в исключительных случаях и «утроба» (Ачарян, III, 313). Талиа – это середина

человеческого тела, тот рубеж, который связывает между собой верхнюю и нижнюю его части. Слово *utxpr* (талия, пояс, чресла, спина) имеет и множество переносных значений. Приведем для примера такие идиомы, как «сломать спину» (причинить большой ущерб, лишить силы, мощи), «положить на спину» (соответствует русскому «положить на лопатки», потерпеть поражение, унизиться, сломаться), «гнуть спину» (страдать, покоряться), «укрепить спину» (стать богатым, состоятельным, обрести могущественного защитника, укрепить тыл, стать сильнее), «беречь спину», «стоять за спиной» (защищать, помогать, быть опорой) и даже «вышедший из чресел (утробы)», то есть собственное дитя, чье зачатие связывают с чреслами. (Сукиясян, Галстян). Так что пояс (талия) символизирует и жизнь, и силу, и устойчивость, и социальное и нравственное могущество, и наследственность, иными словами, всё то, что присуще стержневой опоре, связующей и удерживающей две важнейшие части тела – как в анатомическом, так и социально-нравственном отношении. Отсюда и крайняя необходимость ее физического и нравственного сохранения, для чего и предназначен пояс (ремень).

Учтём, что в некоторых преданиях и мифах строение мира представляется антропоморфным. Так, из членов тела исполина Пуруши, принесённого в жертву древнеиндийского первочеловека, возникают элементы вселенной (Мифы, II, 351). А древние натурфилософы видели в человеке последнее звено космического устройства, меры и справедливости. Человек всей своей сутью связан со вселенной как её параллель, уподобленный великому космосу (макрокосму) малый космос (микрокосм); он построен по той же модели гармонии и разумности, что и мир или космос (Мифы, II, 10). Усвоив это, мы приблизимся к мифологическому восприятию понятия пояс (талия) как важнейшей части космоса.

Пояс (талия) – в армянском языке на это указывает семантика слова – есть середина человеческого тела, срединная его часть, центр. А середина «как гармонизирующий элемент есть источник порядка и чистоты, – пишет Е. Рабинович. – С другой стороны, центр – не только источник космической гармонии, но и эмбрион вселенной, зародыш мира (ср. с чреслами как символом оплодотворения. – С. А.). Середина, как элемент порождающий, предстаёт как носитель порядка и чистоты – отсюда представления о срединном местоположении первоначального рая, о постепенной порче вселенной по мере её удаления от центра, отождествление периферии с хаосом» (Мифы, II, 428).

Сопоставляя трёхчленную вертикальную структуру вселенной с трёхчленным строением человеческого тела (голова, туловище, ноги), особенно при том, что в космологических представлениях «чаще человеческое тело выступает как первичное и исходное, а космическое устройство как вторичное и производное» (Мифы, II, 300), следует подчеркнуть, что голова человека соответствует небу, туловище с талией – среднему миру, земле, а нижняя часть тела (ноги) – подземному миру. Так что талия символизирует середину, центр вселенской вертикали, равно как и скандинавский (эддический) Мидгард, вокруг которого находится область неупорядоченного, где живут великаны и хтонические существа (Мифы, II, 428). При подобных представлениях о строении вселенной становится понятным изначальный смысл охватывающего талию пояса. Он являет собой

надёжное средство, которое оберегает, облекает, изолирует её от злых и губительных сил, окружающих средний мир. Следует обратить внимание на материал, из которого изготавливались первобытные пояса – металл (бронза), – поскольку металл в народных воззрениях доныне обладает свойствами оберега.

Талия как срединная часть, центр и человеческого, и космического тела выводит на первый план идею пропорциональности, соразмерности, а та, в свою очередь, порождает идею гармонии в структуре человека и вселенной (микро- и макрокосма). Пояс предназначен блюсти эту космическую соразмерность и гармонию от губительных вторжений внешнего хаоса.

Возможно, выражением подобных воззрений является зафиксированное в одном из средневековых текстов-святах следующее иносказание: «Надеть пояс бдительности и собрать, и усмирить, нас, земных». Здесь акцентировано предназначение пояса защищать от собирательных внешних (земных, мирских) искушений. Разумеется, реальная основа аллегории в том, чтобы усмирить чревоугодие затягиванием пояса, дополнительный же смысл – защититься посредством пояса от внешних влияний, избавиться от них. Поэтому пояс и входил в древности в ритуальное убранство, что, в частности, выразилось позднее в ритуальном одеянии христианского священника. Рукополагая священника, епископ с благословением и молитвой подаёт ему пояс (Обрядовый словарь, 117; Ацуни, 1923, 366).

Перед литургией проводивший службу священник особым образом опоясывался и, как отмечено в четьи-минеи (жития святых), даже принимая святое причастие, непременно повязывал пояс («В час причастия да будут препоясаны»). О том же упоминается в Евангелии от Луки, где Христос, обращаясь к ученикам, иносказательно их наставляет: «Приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить» (XVII, 8).

Иными словами, опоясывание во всех случаях рассматривается как обязательный элемент культового обряда, как священнодействие.

Точно так же и в древности, и много позднее, выполняя практическую свою функцию, пояс в обязательном порядке входил в ратное снаряжение. Он прикрывал талию воина, и подтягивал его стан, и служил для того, чтобы прикреплять и переносить личное оружие (меч, кинжал, колчан, впоследствии пистоль и пистолет). Все это способствовало закреплению и новому осмыслению древнейшего поверья, что пояс защищает от внешних угроз и злых сил и обезвреживает их. Вспомним хотя бы, что в нашем героическом эпосе среди доспехов Мгера Старшего и Давида непременно упоминается охарактеризованный различными эпитетами «золотой ремень или пояс», «поясной ремень» и т. д.

Лишь рассматривая талию и пояс через призму упомянутой мифологической семантики, можно осветить связанные с ними ритуальные и мифические события.

Как уже сказано выше, игры в ремни (лахти) совершались преимущественно в начале весны, по свидетельству древних, в дни масленицы либо в последнюю неделю (Бдоян, II, 94), то есть в дни древнеармянского нового года. Следовательно, они входили в ритуальные новогодние игры. Согласно древним религиозно-мифологическим воззрениям, новый год символизировал крах и гибель старого

мира под воздействием злых сил хаоса и возникновение либо обновление нового мира. По поверью переход от старого года к новому, как это справедливо отмечают, сопровождается борьбой, которая отразилась в новогоднем ритуальном обиходе в виде поединка, словесного или реального (ср. со словесным поединком древнеиндийских поэтов-жрецов). С точки зрения цикличности времени, соответственно и космос в конце года возвращался к прежнему (докосмическому) своему состоянию, «изнашивался» в хаосе, «и только особый обряд перехода мог воссоздать космос со всеми циклами его возникновения» (Елизаренкова, Топоров, 1984, 30).

По-видимому, одним из проявлений аналогичного новогоднего ритуала была в армянском быту игра в ремни (лахти) с её неуступчивой борьбой соперничающих групп. По времени игра предшествовала рубежу старого и нового годов, началу нового солнечного цикла, когда, согласно древним космологическим воззрениям, на смену изношенному и потрёпанному миру старого года шёл новый и обновлённый мир нового года.

Круг, который очерчивался при игре в ремни, скорее всего, символизировал космический пояс, охватывающий средний мир, центр старого года, границу старого и нового миров. Что касается мужчин, защищавших брошенные на землю ремни, они олицетворяли беззащитный мир, стиснутый в круге старого среднего мира, истрёпанный и лишённый в старом году пояса. Напротив, нападавшая и находившаяся вне круга группа символизировала новый год – свободный от сил хаоса, созданный заново и обновлённый мир. Он, *этот мир*, шёл с борьбой отнять у группы внутри круга, символизировавшего старый мир и год, брошенные на землю ремни, которые также были символами изнурённого павшего мира. Игра завершалась насильственным захватом последнего ремня и нещадным избиением проигравшей группы. Безоружных членов проигравшей группы загоняли в круг и жестоко били ремнями по спине и поясице (незащищенным местам); тем самым внешняя группа (то есть новый год с новым миром) сполна обеспечивала себе победу над старым.

Разбирая предание о происхождении армянских гор, исполненное древними космологическими, мифологическими и ритуальными воззрениями, мы постигаем глубину и смысл кары, постигшей братьев-исполинов. Они наказаны Богом за то, что поприветствовали друг друга, прежде чем подпоясались. Между тем приветствие – ритуальный жест прославления, священнодействие, равносильное молитве, особенно если учесть означенное в предании время, когда ритуал отправляется (рано поутру), то есть на рассвете, в начале дня, благая весть о котором и прославление и в самом деле почитались священными. Следовательно, к этому сакральному обряду надлежало ритуально подготовиться – одеться и, главное, подпоясаться, чтобы полностью обезопасить себя от воздействия злых и губительных ночных сил и защитить талию (ср. с доньше бытующим в народном обиходе обычаем утреннего приветствия, которое совершается после умывания, то есть после того, как человек очистится от скверны ночного мрака и оденется). Вот сколь важным и серьёзным осознавался этот традиционный ритуал, вот отчего его нарушение почиталось преступным и сурово наказывалось божественной карой.

В предании особо подчеркнуто, что подпоясаться – серьёзнейшее ритуальное таинство. Это видно, в частности, по финалу предания: когда братья превратились в горы, то их пояса стали зелёными полями и долинами. В пространственно-географическом смысле равнины, расположенные в низинах вокруг гор, так же соотносятся с перпендикулярными к ним горами и горными вершинами, как пояса – с талией или станом человека. Пояса с их преобразованием – это по сути дела метафора ровной земной поверхности, и своей кольцевидной округлостью они знаменуют рубеж, отделяющий подземный мир от мира срединного – земли (ср. с горой как распространённой моделью вертикальной структуры мира). Результатом подобных метафорических представлений являются также и другие древние значения слова «пояс» в армянском языке. Одно из них – «окрестность или продолжение горы» – находим в следующей фразе Хоренаци: «Большой шум поднялся в окрестностях [по поясу] большой горы Кавказа в стране болгар ...». Другое древнее значение этого слова также метафорично и связано теперь уже с небом или Богом – радуга. Как свидетельствует на основе средневековых источников «Новый словарь армянского языка»: «Дуга, видимая на небе, называется радугой, которую первые мыслители называли Божьей аркой, а глупцы Божьим поясом». Она звалась также “Господень пояс” или “пояс Арамазда”. Отсюда происходит и народное название радуги – «Божий пояс». Все эти эпитеты (Божий, божественный, Господень, Арамаздов) равноценны и почти неразличимы по значению – все они относятся к небу, небо же воспринималось народным сознанием именно как Бог; Арамазд – верховный небесный бог, а Господь – эпитет Бога. Так что радуга в древнеармянских представлениях выступает в качестве небесного (Божьего) пояса. Её называли также «абрикосовый пояс» – опять-таки народное наименование, где эпитет «абрикосовый» свидетельствует о властной, царской принадлежности (порфиру носили только цари), и здесь подразумевается его носитель – небесный владыка или царь. Так что по представлениям армян пояс (порфира) входил в убранство верховного (небесного) бога и символизировал одно из красивейших небесных зрелищ – многоцветную радугу.

Пояс в представлениях армян был не только важным компонентом человеческого и божественного убранства, но и космологическим понятием, исходным принципом моделирования мира. В представлениях о трёхчленной вертикальной структуре мира повсюду на нижнем (подземном), среднем (земном) и верхнем (небесном) уровнях обитают люди, отличные друг от друга только местом, где они повязывают пояс. На нижнем уровне они опоясывают колени, на среднем – талию, а на верхнем – грудь. Следовательно, позиционное различие в трёхчленной вертикальной структуре мира характеризуется расположением повязанных на теле поясов.

Согласно зафиксированным еще в средние века космологическим представлениям, небо, в свою очередь, делится на семь поясов («На небе же суть семь кругов, именуемых поясами: *ледяной, жгучий, великий, смешанный, прекрасный* (q̄t̄q̄t̄ḡl̄w̄l̄w̄n q̄n̄ūr̄ -путь затмения), *смиранный* (седьмой не упоминается)». «Эти семь суть противоположны друг другу» (Ширакаци, 1944, 325–326). Мы снова видим, что по воззрениям древних структура атмосферных

слоёв также характеризуется представлением о поясах. Эта строительная функция пояса в представлениях о космической структуре имеет, по нашему мнению, более глубокие и ранние мифологические корни. В мифе о Левиафане-Лекеоне мы видим, что лежащая на мировом океане колесообразная земля с четырёх сторон, словно шиной, окутана исполинским рыбьим телом Левиафана. Такой же воображается гигантская рыба Лекеон, которая обволакивает высящуюся в океане огромную гору. Эти мифические рыбы-драконы отделяют и укрывают Землю от мирового океана либо вод Хаоса и защищают устройство Земли (Мира) от окружающего Хаоса». Это мифологический взгляд на Левиафана-Лекеона – облакающее мир, как шина, и защищающее его чудовище – есть не что иное, как первооснова древнейших представлений о космических поясах.

Таким образом, пояс со своим предназначением подтягивать, повязывать, организовывать, охранять становится универсальным, приобретает функцию подбирать и блюсти талию и одежду человека и становится космическим воплощением различных представлений о мире: и вертикального, антропоморфного, и предметного (колесообразного, горообразного), и трёхуровневого, трёхчленного. Кругообразный пояс с его предназначением организовывать, подтягивать, оборонять по-разному используется в производственной, художественной, ритуальной и магической сферах. Он встречается и как практическая деталь (ср. с металлическими обручами и шинами, которыми опоясывают деревянные колёса, бочки, посуду), и как украшения, оформления в их многообразных прикладных, ритуальных и обрядовых разновидностях и вариантах (ср. с такими образцами прикладного искусства, как перстни, браслеты, а также орнаментированные в художественных и ритуально-магических целях пояса, которые обрамляют кожаные, металлические, деревянные блюда и сосуды).

Всё это свидетельствует о древнейшей мифологической семантике пояса, а прикладной и ритуально-культовый универсализм, как и смысловая многозначность, удостоверяют глубокую древность его мифологического восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

- ԱԲԵՂՅԱՆ ՍԱՆՈՒԿ 1940, Գուսանական ժողովրդական տաղեր, Երևան, Արմֆանի հրատ.: Ա. Երկեր, հ. Ա, Երևան, 1966, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ.: Գ. Երկեր, հ. Գ, Երևան, 1968: Է. Երկեր, հ. Է, Երևան, 1975: Ը. Երկեր, հ. Ը, Երևան, 1985:
- ԱԳԱՆԹԱԳԵՂՈՍ Ազարանգեղյալ պատմություն հայոց, աշխատասիրութեամբ Գ. Տէր-Սկրտչեան և Ստ. Կանայեանց, Էջմիածին–Տփղիս, 1909:
- ԱԶԳԱԳՐԱԿԱՆ ՀԱՆԴԵՍ Ա. Շուշի, 1895: Բ. Թիֆլիս, 1897: Զ. Թիֆլիս, 1900: VII և VIII, Թիֆլիս, 1901: IX. Թիֆլիս, 1902: X, Թիֆլիս, 1903: XI. Թիֆլիս, 1904: XIX, I, Թիֆլիս, 1910: XX. Թիֆլիս, 1910: XXV, Թիֆլիս, 1915:
- ԱԼԻՇԱՆ ՂԵՎՈՆԴ Հին հավատք կամ հեթանոսական կրոնք, Վենետիկ, 1895:
- ԱՂԱՅԱՆ ԷՂՈՒՐԱՂ 1976, Արդի հայերենի բացատրական բառարան, Երևան, «Հայաստան» հրատ.: 1986, Ավնարկներ հայոց տոմարների պատմության, Երևան, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ.:

ԱՃԱՌՅԱՆ ՀՐԱՉՅԱ Ա. Հայոց անձնանունների բառարան, հ. Ա, Երևան, 1942, Երևանի համալսարանի հրատ.: Բ. Հայոց անձնանունների բառարան, հ. Բ, Երևան, 1944: Գ. Հայոց անձնանունների բառարան, հ. Գ, Երևան, 1946: Դ. Հայոց անձնանունների բառարան, հ. Դ, Երևան, 1948: Ի. Հայերեն արմատական բառարան, հ. Ա, Երևան, 1971, Երևանի համալսարանի հրատ.: ԻԻ. Հայերենի արմատական բառարան, հ. Բ, Երևան, 1973: ԻԻԻ. Հայերեն արմատական բառարան, հ. Գ, Երևան, 1977: ԻԻԻԻ. Հայերեն արմատական բառարան, հ. Դ., Երևան, 1979:

ԱՌԱԾԱՆԻ Ա. Տ. Ղանալանյան, Առաձանի, 1960, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ.:

ԱՌԱԶԵԼՅԱՆ Բ. Ն. 1951, Դիտողություններ վիշապաբաղ Վահագնի մասին, «Տեղեկագիր ՀՍՍՌ ԳԱ հաս. գիտությունների», դ 2, Երևան:

ԱՍՏՈՒԱԾԱՇՈՒՆՉ Մատեան Հին և Նոր կտակարանաց, Վիեննա, 1929:

ԱՎԱՆԴԱՊԱՏՈՒՄ Արամ Ղանալանյան, Ավանդապատում, Երևան, 1969, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ.:

ԲԴՈՅԱՆ ՎԱՐԴ ԻԻ, Հայ ժողովրդական խաղեր, ԻԻ, Երևան, 1980, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ.:

ԽՈՐԵՆԱՅԻ Մովսիսի Խորենացոյ Պատմութիւն Հայոց, քննական բնագիրը Մ. Աբեղեան և Ս. Յարութիւնեան, Տփղիս, 1913:

ԾԻՍԱԿԱՆ ԲԱՌԱՐԱՆ Ծիսական բառարան, 1906, ընդարձակ օրացույց ս. Փրկչյան հիվանդանոցի Հայոց, Կ. Պոլիս (1906):

ՍԵԾԱՍՈՐ Է. Խանգաղյան, Կ. Սկրտչյան, Է. Պարսամյան, Մեծամոր, ուսումնասիրություն, 1965–1966 թթ. պեղումների տվյալներով, Երևան, 1973, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ.:

ՆՀԲ Ի, Նոր բառգիրք Հայկազեան լեզուի, հ. Ի, Երևան, 1979, Երևանի համալսարանի հրատ.: ԻԻ, Նոր բառգիրք Հայկազեան լեզուի, հ. ԻԻ, Երևան, 1981:

ՇԻՐԱԿԱՅԻ ԱՆԱՆԻԱ 1940, Տիեզերագիտութիւն և տոմար, աշխատ. Աշ. Աբրահամյանի, Երևան: 1944, Անանիա Շիրակացու մատենագրությունը, աշխատ. Աշ. Աբրահամյանի, Երևան:

ՍՈՒՔԻԱՍՅԱՆ Ա., ԳԱԼՍՅԱՆ Ս. Հայոց լեզվի դարձվածքանական բառարան, Երևան, 1975, Երևանի համալսարանի հրատ.:

ЕЛИЗАРЕНКОВА Т. Я., ТОПОРОВ В. Н. 1979, Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки, „Литература и культура древней и средневековой Индии“, сборник статей, М., изд-во „Наука“.

МИФЫ Ի. Мифы народов мира, Энциклопедия, т. Ի, М., 1980, изд-во „Советская энциклопедия“.